
ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

КАК ОБРАЗОВАТЬ ОБРАЗОВАНИЕ (И ПЕРЕСТАТЬ ВАЛЯТЬ ОБРАЗОВАНЬКУ)

Гершунский Б. С. Философия образования для XXI века (В поисках практико-ориентированных образовательных концепций).

М.: Совершенство, 1998. 608 с.

Передо мной солидная, роскошная, можно сказать, книга: золоченое тиснение, добротный переплет, превосходная бумага, безукоризненный набор; на обложке цветной портрет автора – симпатичного старца с серебряной бородой и взглядом, направленным куда-то вбок, – видимо, туда, где сказано, что он профессор и академик, автор 270 (!) научных и публицистических работ. А первая фраза книги, посвященной «педагогам XXI века», сообщает, что перед читателем «в определенной мере итог сорокалетней работы автора в сфере образования». Книга-итог, книга-символ. Да и название чего стоит. Философия. Образования для XXI века! Если книга символизирует роскошный расцвет российского образования в XXI веке, то у нищего сегодняшнего учительства есть перспективы! Попробуйте после всего этого отнестись к книге непредвзято, критически... И тем более – отвергнуть ее целиком. Задаст вам драчливый в полемике академик. Нет, вы попробуйте, попробуйте!

Попробую.

В этой книге нет философии. Нет следов подлинного образования. Не пахнет XXI веком. А пахнет 1970-ми годами – расцветом застоя. От него – фразеология, риторика и идейное содержание этой книги. Экономная экономика, реальный социализм, системный подход, проектное мыш-

ление. Это все тогда. Автор лезет вон из кожи, чтобы выглядеть прогрессивным, «третьетысячелетним». Но читаешь и замечаешь: «могильным холодом повеяло вокруг»... Очень уж это хорошо забытое старое. Хорошо, что забытое... Слова новы, но предрассудки стары.

Это отсюда Гармония Знания и Веры (с большой буквы), любимое детище автора – простое переложение на более бедный идеологический язык того самого цекковского родимого «превращения знаний в убеждения». Возращены на нем и предмет критики автора (кстати, эта критика – самые живые эпизоды книги, минуты торжества над поверженным противником; только при чем здесь философия?), экс-министр Э. Д. Днепров, и некрасиво антисемитски литераторствующий И. В. Бестужев-Лада, и сам, в данной ситуации вызывающий лишь сочувствие, автор... «Возражают усиленно павшие павшим. По вопросам, давно остроуту потерявшим...» Недаром же на призывы к выдвигению руководящей идеологии, созданию «национальной идеи» по хорошему оплачиваемому заказу откликнулись лишь шизофреники-прожектеры и беззастенчивые дельцы, – для которых главное – чтобы платили, и желательно – наличными. И эта книга – претензия на создание такой идеологии. Иначе зачем такие громкие слова?

Это из тех лет – всегдашние фанфарные трам-та-та-там (с. 8). «Педагог – это, конечно же, прежде всего **Учитель**. Учитель с большой буквы... Человек, не только получивший специальное педагогическое образование, но и всегда ощущающий себя на острие общественных проблем...

Именно так». (Бум! Это гремят литавры...)

«Учитель – это мыслитель, ощущающий всю полноту возложенной на него священной ответственности за судьбу доверенного и доверившегося ему человека... за будущее своей страны и всего Мира, всей человеческой цивилизации.

Так и только так». (Бум! Бу-бу-бу-бум! Это опять литавры...) Умри, Де... Борис, лучше не напишешь!

Такое звуковое сопровождение при стертых клишированных фразах здесь не излишество. Автор книги и сам эту

оркестровку очень любит. Судите сами, заглянув всего-навсего в оглавление. Каких тут только нет звучаний! «В поисках механизма реализации "набатной" функции философии образования». «Прогностическая гипотеза образовательного триумфа» (это уже о третьем тысячелетии. А какой же триумф без фанфар и литавр?!).

Вообще автор смотрит в будущее весьма оптимистически. В третьем тысячелетии, по его представлениям, с образованием будет все О-кей: оно будет «мировоззренческим синтезатором Знания и Веры» и превратится... «в религию третьего тысячелетия».

Нет, вы не подумайте, в книге в 600 с лишним страниц немало сочувственных слов по адресу бедствующих учителей, громов и молний по адресу нехороших чиновников из бывшей АПН и похвал по адресу хороших управленцев... Разоблачений трагического состояния с финансированием сферы образования... «Но выглядит все это слишком сыто. А сытая трагедия есть фарс». Фарс, выпускающий пар-с...

В этот набат уже столько били, что на настоящий пожар не явится ни один пожарник, не заглянет ни один любопытный. Не будет никакого триумфа.

Если строго статистически подойти к тексту книги (в котором, как горох, рассыпаны выделения жирным шрифтом – такая старательность автора, забота о понимании читателем глубинного смысла его рассуждений о «менталитете» оборачивается насмешкой: выделения мелькают, как навозные жуки, оставляя в памяти не «ключевые», а «запорные» слова), – если статистически, то получится 0,2% хорошо дозированной критики актуального положения вещей плюс сетований на неисполнение прогрессивного указа Президента о приоритете образования, на злокозненность не отдающей имущества (Б. Гершунскому?) Академии образования, сиречь АПН, примерно 0,01% – дельной разоблачительной полемики и 98,8% пустой болтовни, в которой смысла не больше, чем в самых ценных страницах этой огромной книги – половине печатного листа пустых страниц в конце – «для заметок», тех страниц, которые и попытался я использовать по назначе-

нию. В этой болтовне есть все что угодно, именины здесь празднуют и на Антона, и на Онуфрия: то и дело хвалы прогрессивным педагогам и прогрессивным педагогическим учреждениям перемежаются сетованиями по поводу неразвитости педагогики в целом и педагогической науки в частности... Словом, летать надо, товарищи управленцы от педагогики, но так, знаете ли, чтобы... не отрываться от земли...

Я уверен: поймай я Б. Гершунского на очередном противоречии (с теорией ли, с практикой ли), он будет искренне признателен: еще на две страницы оговорок и разъяснений. Туманных. И еще: зачем для этой книги, которым и в прежние-то застойные времена имя было легион, столько пороку, сарказма, зачем это автор рецензии «на дочь, и на отца», и на Гершунского... готов излить всю злость и всю досаду? Ведь если правду сказать, не только фотография автора, но и сам текст бывает здесь довольно симпатичным. Или, скорее, умилительным: столько здесь наивной веры (уж чего-чего, а Веры-то нашему автору хватает – самой Прогрессивной, самой гармонирующей с Наукой!) в силу «набатного слова». Много здесь ведь и верных от начала до конца суждений (хотя, правду сказать, никакой в них прогностической силы). Затем, что апелляция к практике, забвение теории, замена теории нехитрыми «системными» схемами (иерархия, не забудьте) ведет к тому, что этическая (философская) проблематика здесь урезана. Отсутствует, простите за сентиментальность... любовь к детям.

Чума на оба ваши дома. Чума на все *такие* дома. Обвинения в адрес чиновников академии, увы, относятся и к автору книги. Сетования на разрушенные педагогические структуры вызывают только одно чувство – чувство глубокой неудовлетворенности тем, что кое-какие структуры еще остались... У них то же имущество, те же «труды», та же фразеология...

Полемика Б. Гершунского с чиновниками тем страстнее, чем более давно чиновник лишился своего поста. Вот тут уже рвутся петарды благородного гнева. Гнева на не-

продуманность скороспелых стратегий, на «политическую незрелость» – незрелость взглядов реформаторов, на отсутствие образовательной *политики* у тех, кто ее обязан осуществлять. Все это, хотя и запоздало, но, вроде бы, верно... Нет, неверно. Не может быть верной казенная скука – та самая, которая рождена в муках *управления* образованием, *руководства* культурой. Чума... Чума...

Что-то до боли знакомое чудится в этих «прогностических» проповедях. Что же? А все та же знакомая позиция устраивания делишек с допуском к госкорыту – это *для себя*, и одновременно утопическая картина *всеобщего* счастья в будущем... Загробное воздаяние... Нынешнее поколение советских людей будет жить при Полной Гармонии Знания и Веры с Религией Образования. И будет читать прогностические молитвы во славу очередного главного Образованца, Возносить Моления к Ментальности, «которую нельзя изменить в одночасье» (а зачем тогда было тревожиться сочинять?), а в промежутках будет, как всегда, образованьку валять...

Воображаю, как будет возмущен моими заметками сам маститый, закаленный в полемике автор... Если удастся моим скромным заметкам выстоять против трехтысячного тиража роскошной «философской» книги, если не получится – замолчать эти мои саркастические строки, какие обвинения меня только не ждут. Оклеветал почтенного ученого. При помощи ернического выдергивания цитат... голословные обвинения... нежелание замечать реальные заслуги...

Нет, не еврей я, уважаемый академик. Интернационалист. То есть, значит, и не антисемит. И скорее, готов понять оптимистическую трагедию Вашего положения. Дело в том, что вся прогрессивность Ваших взглядов лишена малейших намеков на философию и уложится в одну небольшую брошюрку – о вреде всего нехорошего. На уровне прописей:

Порядки старые не новы
И не младенцы – старики;
Больные люди – не здоровы
И очень глупы дураки...

Не надо мудрствовать лукаво,
Но каждый честный гражданин
Всегда сказать имеет право:
Одиножды один – один.

Точно так же, как у армии профессиональных преподавателей педагогики, всякого рода «методистов», вся мудрость которых укладывается в щепоть, но которые, будучи недобиты в памятные времена обновления, не только подняли сейчас головы, но и заполонили учебные планы своей никчемной «образованщиной». А бедные студенты педагогических вузов, с тоской готовя очередной отчет по теме «мотивации обучения предметам гуманитарного цикла» или еще какой «шибко мудрой» дребедени, обмозговывают проблему: почему это в преподаватели педагогики идут самые бездарные люди с наклонностями к чиновнической отчетности и полицейскому садизму? Вопрос вполне философский. Для тех людей, которые будут радостно служить религии XXI века.

А я вспоминаю грустные глаза покойного журналиста, который однажды в условиях, совсем не похожих на «гласность», тихо сказал на всю страну: «Думайте о Сухомлинском». И был услышан. Фанфар не было. Просто стало ясно, что вся официальщина казенной педагогики в этот самый момент летит вверх тормашками в помойку. И почудилось: вот он, Окуджава педагогики, который зарывает в теплую землю виноградную косточку и созывает друзей... И это уж навсегда. А от церковноцекковских, литературных и педагогических и прочих «боссов» остается только этот омерзительный помойный смрад.

Ю. А. Муравьев, доктор философских наук